

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Важное место среди источников по истории государственной деревни первой половины XIX в. занимает «Полное собрание законов Российской империи». Это богатейшее собрание документов характеризует не только правовое, но и социально-экономическое положение казенной деревни, ее быт, вопросы организации просвещения и здравоохранения и т. п.¹ Большим подспорьем для исследователя являются также законодательные сборники, систематизирующие материал правовых норм по отдельным проблемам. Здесь прежде всего уместно отметить «Свод законов о состоянии людей в государстве», а также его дополненное переиздание 1842 г. под измененным названием «Свод законов о состояниях»².

Правительственное законодательство как источник по государственной деревне России широко привлекалось еще дореволюционными авторами (В. И. Семевским, А. С. Лаппо-Данилевским и др.). Однако главным пороком методологических позиций буржуазных авторов был их формально-юридический подход к оценке правовых норм, что приводило к искажению истинной картины положения казенной деревни в системе феодально-крепостнического государства. Эти недостатки были успешно преодолены только советскими исследователями, и прежде всего Н. М. Дружининым, который пошел дальше буквы закона, проник в его социальную сущность и проанализировал с марксистских позиций.

В настоящей статье предпринимается попытка на основе главных актов государственного законодательства проследить социально-экономическое положение казенных крестьян, отметить отдельные изменения в их жизни, имевшие место в первой половине XIX в.

Законодательное оформление сословия государственных крестьян относится еще к первой четверти XVIII века: в плакате 26 июня 1724 г.³ был впервые применен термин «государственные крестьяне». Закон оговаривал двойное наименование крестьян потому, что они составляли особенное состояние в государстве, и отсюда именуются государственными. По жительству их на землях казенных они получили также наименование крестьян казенных⁴.

¹ Полное собрание законов Российской империи (первое), т. I—XL.

² Свод законов о состоянии людей в государстве. Изд. 3, СПб., 1835; Свод законов о состояниях. СПб., 1842.

³ ПСЗ, VII, 4533.

⁴ Свод законов о состоянии людей в государстве, стр. 121, ст. 387.

Плакаты 1724 г. была установлена необходимость уплаты ими, помимо подушной подати, дополнительного сбора, «вместо помещичья доходу еще по четыре гривны с души», «по стольку, как помещики получать будут в своих крестьян», т. е. государство эксплуатировало этих крестьян и как феодал—собственник земли, на которой сидели государственные крестьяне, сближая их с частновладельческими крепостными крестьянами, отбывавшими повинности в пользу феодала-собственника их земельного надела. Тем самым феодальное государство объявляло государственных крестьян принадлежащими казне, т. е. феодально зависимыми от государства-землевладельца. Такое положение государственных крестьян сохранялось до реформы 1861 г. Однако в XIX в. в связи с развитием товарно-денежных отношений несколько расширился правовой статус этого сословия, стал более доступным его переход в другие сословные группы податного населения, занимавшие более привилегированное положение (мещане, купцы).

Феодально зависимое от казны положение государственных крестьян постоянно подчеркивалось в законодательстве прежде всего указами на государство как верховного собственника земель, находившихся в пользовании казенных поселенцев. Отсюда требования к казенным крестьянам не называть своей собственностью казенных земель⁵ и запрещение их отчуждения. Так, в частности, разбирая вопрос о продаже земель государственными крестьянами Устюжской провинции, Сенат, с одной стороны, давал принципиальную установку: «впредь от тех черносошных крестьян оных их земель и деревенских их участков не покупать», но, с другой стороны, снисходя к данному случаю, «по тем обстоятельствам, что тамо все единственные государственные земли состоят», не запрещать и «впредь в покупке у крестьян (земель,—Г. Я.) и крестьянам у купцов» ввиду возможного запустения этих земель от «разброду» и вероятного материального ущерба для государства⁶.

Однако традиции беспрепятственной в прошлом крестьянской колонизации казенных земель окраин русского государства и практика частнопроводных сделок на эту землю ослабляли в значительной степени юридическую силу законодательства. Правительство законом 1801 г. разрешило недворянам приобретать земли, не населенные крестьянами, в частную собственность. Таким образом, крестьянин уже начинает выступать не только фактическим, но и юридическим носителем права собственности на землю, а это уже был верный признак разложения феодального способа производства, основанного на монополии собственности феодалов на землю, и начала перехода к капиталистической земельной собственности, при которой земля по-является на рынке в качестве товара.

Зависимое от правительства положение государственных крестьян отразилось в ряде статей государственного законодательства. Здесь, прежде всего, нужно отметить круговую поруку для исправной уплаты государственных налогов, постоянную опеку местных

⁵ ПСЗ, VII, 5138; X, 7409; XIII, 9874.

⁶ ПСЗ, XIII, 10082.

властей в тех же целях, ограничение права перехода на другое место жительства и в другие податные состояния. Особенно затруднялся переход государственных крестьян в «гражданство», то есть в купцы, мещане. Рядом указов была установлена необходимость получить на это разрешение не только от своего крестьянского «общества», но даже губернского начальства — казенной палаты. По указу 1797 г. крестьянский выход был еще более стеснен: требовалось утверждение Сената в качестве последней инстанции, чтобы у крестьян не было «бесполезных намерений» избежать тягот крестьянской жизни, перейдя в состав горожан. Кроме указанных разрешений для перехода требовалось расплатиться со всеми долгами и повинностями (в том числе с рекрутской) и вплоть до новой ревизии платить подати по общим состояниям⁷.

В 1804 г. были изданы даже специальные правила для записи крестьян в купечество⁸, которыми руководствовались казенные палаты. Правительство беспокоилось о том, что с уходом государственных крестьян в города, особенно из многоземельных губерний, произойдет запустение земель. Поэтому переход в город разрешался при непременном выполнении следующих условий: «1) Буде поселянин уже давно забросил пахотное дело и привык к купеческим промыслам или городскому «рукоделию» (ремеслу, — Г. Я.); 2) Почасту проживает или совсем обзавелся в городе; 3) После его выбытия его земля не останется впусе, то есть необрабатываемой; 4) По удостоверению мирского общества, что он не имеет недоимок и повинностей, а градское общество обязывается до ревизии платить за него все подати по крестьянству; 5) Если он внесет в обеспечение одного платежа при записке своей в купечество, мещанство или цех соразмерную трехгодичной с него по общим состояниям подати сумму денег или залог». В 1810 г. Сенат подтвердил необходимость строжайшего соблюдения этих правил, чтобы «ни малейшего отступления от предписанных в указе Сената 1804 года» правил не происходило⁹.

В отдельных случаях правительство полностью запрещало всем государственным крестьянам переход в город на какой-либо срок¹⁰. Иногда этот запрет касался казенных крестьян только отдельных местностей¹¹.

Иногда подобный запрет мотивировался соображениями пользы сельскохозяйственного производства, иногда же объявлялся без всякой мотивировки. Так, например, в 1822 г. крестьянам Старорусского уезда был запрещен переход в купцы и мещане. Можно предполагать, что в данном случае запрет был вызван стремлением правительства помешать отливу крестьян из зоны военных поселений Аракчева.

Не только законы о паспортах стесняли передвижение крестьян внутри страны. Были и прямые запреты свободного переселения кре-

⁷ ПСЗ, XX, 14632; XXIII, 17357; XXIV, 17695, 18213.

⁸ ПСЗ, XXVIII, 21484.

⁹ ПСЗ, XXXI, 24248.

¹⁰ ПСЗ, XXXI, 24680.

¹¹ ПСЗ, XXXVII, 28659; XXXVIII, 29096.

стьян отдельных местностей¹². Указом 1823 г. казенным крестьянам Херсонской, Екатеринославской и Таврической губерний было запрещено переселение в Сибирский край¹³.

Еще труднее обстояло дело с переходом в другое состояние крестьянок; им это разрешалось только в случае замужества с лицом другого сословия¹⁴.

Имущественные и обязательственные права государственных крестьян также были сильно урезаны. Закон запрещал им вступать в заемные обязательства, брать откупы и подряды, заводить промышленные предприятия, вести портовую торговлю¹⁵.

Сословная неравноправность государственных крестьян в полной мере сказывалась и в непрерывно возраставшем бремени налогового обложения. Подушная подать к концу XVIII в. была повышена сначала до 1 руб. 2 коп. (1794 г.), а затем до 1 руб. 26 коп. (1797 г.). Эта же тенденция роста продолжалась и в XIX в. В 1810 г. она возросла до 2 руб., в 1812 г. была повышена до 3 руб.¹⁶. Одновременно возрастал и оброк, составив на конец XVIII в. вместо первоначальных 40 коп. 3 руб. (1783 г.)¹⁷. Новое повышение оброчного оклада происходило в 1797, 1810, 1812 гг.

Особенно интенсивный рост феодальной эксплуатации проявился в том, что за сто лет коренным образом изменилось соотношение феодальной ренты и государственного налога. «Если в 20-х годах XVIII в. оброк составлял только половину подушного оклада, то через сто лет он уже превосходил подушную подать в два с половиной—три раза»¹⁸. Необходимо также подчеркнуть, что установление для казенных крестьян оброчного сбора и его неукротимый рост—это ничем не замаскированная тенденция к сближению их статуса с положением крестьян частновладельческих, крепостных, так как и те и другие несли оброчный оклад в пользу юридического собственника их земельного надела, независимо от того, был ли этот владелец представлен частным лицом—феодалом-землевладельцем или феодальным государством, его административными органами.

В целях гарантии поступления денежных сборов в казну еще в XVIII в. был издан целый ряд законов, регулировавших уплату и взыскание податей. В 1811 г. вышел закон, установивший два срока внесения податей: за первую половину года с начала января по 1 марта, а за вторую—с октября по 15 декабря¹⁹. Этот закон подтвердил указ от 19 мая 1769 г., по которому была утверждена круговая

¹² ПСЗ, XXI, 15497; XXIII, 17045; XXIV, 17638; XXVIII, 21510; XXIX, 22599.

¹³ ПСЗ, XXXVIII, 29283.

¹⁴ ПСЗ, XXVI, 19443.

¹⁵ ПСЗ, VIII, 5789, 5987 (п. 6); IX, 6551; X, 7514; XV, 11204; XVII, 12498.

¹⁶ ПСЗ, XXIII, 17222; XXIV, 18278; XXXI, 24116; XXXII, 24992.

¹⁷ ПСЗ, XV, 11120; XVIII, 13194; XXI, 15723.

¹⁸ Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, М.—Л., т. 1, 1946, стр. 50.

¹⁹ ПСЗ, XXXI, 24633.

порука, и усилил меры «понуждения» к недоимщикам со стороны заседателя земского суда, дав ему право заключения неплательщиков и крестьянских выборных, отвечающих за исправное поступление налогов, в рабочие дома «доколе недоимка с пенею взыскана не будет». К середине 30-х гг. XIX в., когда и эти меры уже не помогали, для борьбы с недоимщиками использовалась система военной экзекуции²⁰.

Заметно возрастали и «земские повинности», собиравшиеся якобы на местные нужды крестьян, но на деле включавшие в себя такие тяжелые обязанности, как содержание почт, мостов, перевозов и дорог; отопливание, освещение и починка воинских зданий; содержание волостных правлений и жалование волостной администрации; содержание подвод для земского суда и сельских запасных магазинов»²¹.

Вместе с другими податными сословиями казенные крестьяне несли рекрутскую повинность. Очень немногие категории крестьян не подлежали этой повинности: ямщики, лашманы (заготовители корабельного леса), переселенцы в течение первых трех лет после переезда, нерусские народы Сибири, русское население в Якутии, на Камчатке и др. Рекрутские наборы стоили очень дорого сельскому обществу, так как полагалось делать сборы на питание, обмундирование и сопровождение рекрутов до пункта сдачи²². В первой половине XIX в. возрастает тяжесть рекрутских наборов вследствие увеличения числа рекрутов на каждые 500 человек, особенно казенных крестьян, обязанных в отдельных случаях сдавать даже по два рекрута не с 500, а со 100 душ²³. Замена рекрутской повинности денежным взносом практиковалась лишь среди крестьян пограничных областей и некоторых других категорий, а покупка зачетных рекрутских квитанций была не под силу малосостоятельному большинству казенной деревни.

Вопросы организации управления государственными крестьянами в первой половине XIX в. также нашли достаточное освещение в законодательстве той эпохи. Создание органов управления казенной деревней преследовало, прежде всего, цели исправного взимания податей и повинностей, а также охраны существующего феодального правопорядка.

Система центральных и губернских органов по управлению государственными крестьянами, сложившаяся еще при Екатерине II, в основном сохранилась до реформы П. Д. Киселева, претерпев незначительные изменения. После учреждения министерств функции «Экспедиции государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства»²⁴, созданной в 1797 г. в качестве центрального органа по управлению казенными крестьянами, перешли к Министерству внутренних дел, а с 1811 г. к Министерству финансов (Де-

²⁰ Н. М. Дружинин. Указ. соч., стр. 202.

²¹ ПСЗ, XXXII, 21737; XXXIII, 26316.

²² ПСЗ, XXX, 23036, 23756, 23961.

²³ ПСЗ, XXXII, 25198.

²⁴ ПСЗ, XXXI, 24688.

партаменту государственных имуществ)²⁵. Еще меньшим изменениям подверглось нижнее звено управления государственными крестьянами на местах. Созданные по указу 1797 г. волости²⁶ охватывали население численностью до трех тысяч ревизских душ. В волостном центре учреждалось волостное правление в составе волостного головы, старосты или выборного самого селения и писаря. Сверх волостного правления в штат волости входил сельский или деревенский выборный и «при всяких десяти дворах по одному десятскому». Последние должны были блюсти полицейский порядок. Волостной голова и писарь выбирались на два года «обществом из всех сел и деревень, к той волости принадлежащих», а сельский староста ежегодно; десятские же сменялись через месяц поочередно.

Функции волостного головы сводились к своевременному взысканию с поселян всех «окладных и неокладных податей и сборов», а также к поддержанию в волости «благочиния» церковного и гражданского.

Правительство, преследуя цель сделать крестьянское хозяйство более рентабельным и соответственно платежеспособным в отношении налагаемых государством податей и повинностей, проводило политику «попечительства» в отношении казенной деревни. Однако на практике эта система оказывалась малоэффективной. К началу XIX в. обнаружился нереальный характер межевой инструкции 1766 г., устанавливавший норму надела в 15 десятин на душу. При явной недостатке земельного фонда ничего не дала также попытка пересмотреть эту норму в сторону ее уменьшения до 8 десятин, проведенная в 1801 г. Правительство вынуждено было в конце концов отказаться и от этой установки: в 1830 г. было объявлено о применимости 8-десятинной нормы лишь к местностям, имеющим земельные излишки²⁷.

Такую же непоследовательность в «заботливости» правительства о казенной деревне мы наблюдаем и в вопросе обеспечения крестьян лесными угодьями²⁸.

Рядом законов правительство пыталось смягчить массовый голод казенных крестьян в годы неурожая, а также оказать помощь государственной деревне в период стихийных бедствий (пожары, наводнения и пр.)²⁹, однако большинство мероприятий по оказанию помощи (за исключением безденежной выдачи леса погоревшим на обстройку) проводилось за счет самого крестьянства, его страховых сборов.

²⁵ ПСЗ, XXII, 16603.

²⁶ ПСЗ, XXIV, 18082.

²⁷ ПСЗ, XVII, 12659, (гл. XIV, п. 12; гл. XIX, п. 2; гл. XXXII, п. 9); XXVI, 19500, 19914, 20033; XXVII, 20426; XXVIII, 21694, 21927; XXXVI, 27697; ВПСЗ, II, 1176; V, 3576.

²⁸ ПСЗ, XXV, 18875; XXVI, 19262а; XXVII, 20506; XXX, 23217 и др.

²⁹ ПСЗ, XVIII, 13017; XXV, 19203; XXVII, 20661; XXX, 23000 и др.

Не получила казенная деревня ни начального образования, ни врачебной помощи «за недостатком средств» на это у государства³⁰.

Развитие товарно-денежного уклада в России первой половины XIX в. вносило определенные изменения в экономическое и правовое положение государственных крестьян. Значительная часть казенного крестьянства втягивается в сферу растущего промышленного производства и торговли, выступая, с одной стороны, в качестве вольнонаемной рабочей силы, а с другой стороны, в качестве предпринимателей. Правительственный закон 1801 г., разрешавший казенным поселянам «приобретать по купке земли»³¹, был знамением времени: правительство вынуждено было считаться с экономическим развитием страны и в определенной мере содействовать ему. Этими же доображениями, по-видимому, были продиктованы и законы о «незапрещении» государственным крестьянам учреждать фабрики и заводы³², строить мореходные суда для продажи³³, закон о безвозмездном отведении желающим государственным крестьянам небольших участков общественной земли³⁴ для разведения фруктовых садов, виноградарников, тутовых рош и т. п., а также под устройство фабрик, мельниц (но уже с уплатой оброка). Этими законами правительство поддерживало богатевшую верхушку деревни, появившуюся вследствие развития товарно-денежных отношений в стране и начавшегося процесса дифференциации крестьянства.

Считаясь с возрастанием роли государственного крестьянства в экономической жизни страны, а также с невыгодностью для правительства роста недоимочности крестьян из-за их бедности, государство отказывается от предшествовавших законов, стеснявших в угоду купечеству крестьянскую торговлю³⁵. В 1801 г. за государственными крестьянами была признана свобода торговли не только внутри страны³⁶, но и с границей. Затем расширяются права крестьян в различного рода торговых операциях³⁷, чем сближалось их правовое положение с купечеством³⁸.

Известный прогресс наблюдался и в обязательственном праве. В 1811 г. государственные крестьяне получили формальное право участвовать в подрядах³⁹, не интересующих купечество, а в 1825 г. вступать в заемные обязательства⁴⁰.

Соответствующим образом облегчался и переход государственных крестьян в другие сословия. По новому указу 1824 г. для этого уже

³⁰ ПСЗ, XXVII, 20597; XXXII, 25700; XL, 30355; ВПСЗ, III, 2502; VI, 4761.

³¹ ПСЗ, XXVI, 20075.

³² ПСЗ, XXXV, 27600.

³³ ПСЗ, XXIX, 22315.

³⁴ ВПСЗ, V, 3410.

³⁵ ПСЗ, XII, 9201.

³⁶ ПСЗ, XXVI, 19943, 19812.

³⁷ ПСЗ, XXIX, 22030; XXXII, 25302, 25594; XXXIII, 25856.

³⁸ ВПСЗ, II, 1631.

³⁹ ПСЗ, XXXI, 24777.

⁴⁰ ПСЗ, XL, 30585.

не требовалось санкции Сената, а достаточно было иметь лишь распоряжение губернской казенной палаты⁴¹.

Значительно облегчены были также условия приобретения государственными крестьянами домов в городах и их переезд туда на жительство⁴².

Таким образом, с развитием новых общественно-экономических отношений постепенно развивался процесс освобождения государственной деревни от стеснительных феодальных норм, хотя феодально зависимое положение казенных крестьян далеко еще не было ликвидировано, что подтверждается периодическими попытками законодательным путем повторно регламентировать отдельные стороны правового положения крестьянства. Н. М. Дружинин указывает, что в это время «...намечалась тенденция превращения государственных крестьян в помещичью собственность, переход их земельного обеспечения в дворянские руки, утрата феодально зависимым сословием тех относительных преимуществ, которыми отличался казенный крестьянин от крепостного раба»⁴³.

Наличие этой тенденции подтверждается и отмеченными в законодательстве фактами попыток захватов казенных земель помещиками различных губерний. На Урале также были нередки случаи захвата земельных владений государственных крестьян заводчиками, помещиками, чиновниками государственных учреждений, особенно с 1821 г., с началом генерального межевания в Пермской губернии. Государственные крестьяне Осинского, Кунгурского, Красноуфимского, Верхотурского уездов в этот период потеряли значительную часть наделных папешных земель, сенных покосов и лесов. Бывали и более тяжелые случаи потери крестьянами даже усадебных участков или же переселения их на совершенно непригодные земли⁴⁴.

Правительственные законы пытались «охранять права коронной принадлежности», охранять «казенных крестьян от притеснений при межевании»⁴⁵, но эти попытки редко достигали цели, так как не соответствовали корыстным интересам дворян, наступавших на крестьянские земли.

Кроме расхищения земель государственной деревни, продолжалась передача и самих государственных крестьян вместе с их землями в частное владение путем «высочайших» пожалований светским и духовным феодалам⁴⁶, а также массовой продажей казенных имений для поправки финансов в 1810 г.⁴⁷

⁴¹ ПСЗ, XXXIX, 29846.

⁴² ВПСЗ, II, 1559; VII, 5842.

⁴³ Н. М. Дружинин. Указ. соч., стр. 89.

⁴⁴ А. С. Черевань. Эволюция земельных отношений государственных крестьян Урала и Европейского севера России. — Ученые записки Петрозаводского государственного университета. т. VII, вып. 1, Петрозаводск, 1957, стр. 76—80.

⁴⁵ ПСЗ, XXVII, 20918; XXIX, 22359; ВПСЗ, IV, 2617.

⁴⁶ ПСЗ, XXV, 18591; XXXIX, 29942.

⁴⁷ ПСЗ, XXXI, 24244.

Захват помещиками казенной деревни не мог не отразиться на ее экономическом положении. Прогрессирующее малоземелье, порождавшее соответствующий рост недоимочности, характерно в первой половине XIX в. для государственной деревни целого ряда центральных губерний—Симбирской, Слободско-Украинской и др.⁴⁸ Даже по Уралу картина была малоутешительной, несмотря на то, что положение с наделением государственных крестьян земель выглядело здесь на первый взгляд довольно благополучно. По сведениям за 1800 г. в Пермской губернии приходилось 20,3 десятины на ревизскую душу, но если вычесть неудобные земли, то эта цифра снизится до 8 десятин⁴⁹. Еще хуже обстояло дело при подсчете не на всю губернию в целом, а по отдельным уездам. Так, например, если в Шадринском уезде приходилось 12,5 десятины на ревизскую душу, то в Ирбитском—6,6, а в Соликамском—3,5 десятины⁵⁰.

Дополнительное наделение землей крестьян за счет пустошей, расчистки лесных участков, уравнительных переделов земель внутри крестьянских общин, передача им для усиления их хозяйственной мощности оброчных статей и, наконец, переселение крестьян малоземельных губерний в многоземельные—это те мероприятия, при помощи которых правительство тщетно пыталось найти выход из создавшегося положения.

Однако недостаток пустопорожных земель, сокращение площади казенных лесов парализовали правительственные решения.

Местным властям было невыгодно передавать крестьянам оброчные статьи. Более того, известны определенные попытки отобрать издавна записанные за государственными крестьянами оброчные статьи и сдать их на более выгодных условиях в аренду. Так, государственные крестьяне Богородской и Огневской волостей Красноуфимского уезда Пермской губернии были лишены главного источника своего существования, который они имели от рыбной ловли в озерах Большой и Малый Куяш, расположенных внутри их владений.

⁴⁸ ПСЗ, XXVI, 19500; XXVIII, 21694.

⁴⁹ Данные сведения взяты из статьи А. С. Череваня «Из истории земледельческого хозяйства государственных крестьян Карелии, Европейского севера России и Урала во второй половине XVIII—первой трети XIX в.».—Вопросы истории. Сб. статей. Вып. 1. Петрозаводск. 1961, стр. 83. У Н. М. Дружинина в первом томе его монографии (стр. 90) за несколько более поздний период (по VII ревизии, то есть за 1815—1817 гг.) по Пермской губернии дана среднедушевая цифра надела не 20,3 десятины, как у А. С. Череваня, а 25 десятин. Естественно, что за полтора десятилетия такое «увеличение» надела произойти не могло, тем более, что это противоречило бы наблюдавшейся повсеместно тенденции к уменьшению крестьянских наделных земель. По-видимому, разница в цифрах, предлагаемых Н. М. Дружининым и А. С. Череванем, объясняется тем, что в первом случае при подсчете учитывались все крестьянские ревизские души, тогда как А. С. Черевань оговаривает, что в его данные «не включены государственные крестьяне, приписанные к заводам».

⁵⁰ А. С. Черевань. Указ. соч. (1961), стр. 83.

В 1824 г. Главная контора Екатеринбургских заводов отдала эти озера в оброчное содержание екатеринбургскому мещанину Чирьеву, несмотря на протесты государственных крестьян. Аналогичный случай был и с оброчным содержанием озер Сингул, принадлежавших государственным крестьянам Щербаковской волости Камышловского уезда⁵¹.

Переселение крестьян даже после специальных законов 1823 и 1831 гг. организовывалось плохо⁵². Так, из 50 000 душ, переселявшихся в 1803 г. в Кавказскую губернию, осталось в живых не более 15 000 душ, да и те «большую часть не достигли до порядочного состояния»⁵³.

Государственные крестьяне Урала переселялись главным образом в Оренбургскую губернию, которая имела мало населения при избытке земли. Известны случаи переселения туда крестьян Кунтурского, Красноуфимского, Оханского, Камышловского, Екатеринбургского и других уездов Пермской губернии⁵⁴. Инициаторами переселения были сами государственные крестьяне, пытавшиеся этим путем улучшить свое материальное положение. Однако правительство препятствовало крестьянскому переселению, так как оно могло привести к перебоям в поступлении податей в казну, в исполнении различных повинностей. Указом 1812 г. переселение крестьян во все губернии было полностью запрещено⁵⁵. В итоге переселиться удалось очень немногим, и государственная деревня в целом, не получив никакого реального облегчения, продолжала разоряться и нищать.

Не получили широкого размаха и уравнительные переделы земель внутри крестьянской общины, так как они могли лишь временно удовлетворить земельный голод и вызвали недовольство богатой верхушки деревни, которая являлась опорой правительства в борьбе с немощными слоями сельского населения.

Итак, разрешить земельную проблему без ликвидации помещичьего землевладения было невозможно, но в условиях господства крепостнического строя такой радикальный путь решения аграрного вопроса был закрыт помещиками-крепостниками, стоявшими у власти.

Рост малоземелья, эксплуатации и обнищания государственного крестьянства поднимал и крестьян государственной деревни на революционную борьбу за свои права, за землю. В этом наглядно проявлялось влияние обострения и углубления кризиса всей феодально-крепостнической системы.

⁵¹ А. С. Черевань. Эволюция земельных отношений государственных крестьян Урала и Европейского севера России, стр. 74—75.

⁵² ПСЗ, XXXIX, 29848; ВПСЗ, VI, 4311.

⁵³ ПСЗ, XXVIII, 21779.

⁵⁴ А. С. Черевань. Указ. соч. (1957), стр. 96—99.

⁵⁵ ПСЗ, XXXII, 25150.